

Э. Лимонов

Пушкин: поэт для календарей

Вульгарное двухсотлетие — юбилей Пушкина — совсем потопило его. А с парохода современности он упал давно и сам. Он тут даже не виноват, просто между ментальностью дворянина начала XIX века и ментальностью конца XX века мало общего. Ну конечно, «мороз и солнце, день чудесный» или «октябрь, уж роща отряхает» — это строчки российского календаря, и, как посконно-исконно календарные, их не забудешь и не заменишь. Это ясно, это гарантировано. Хотя со временем, может, и забудется, кто автор календарных стихов. Но вот, кроме календаря и общих мест (а общие места — это: «мой дядя самых честных правил...»), Пушкин нам ни для чего не нужен. Ни для того, чтоб мыслить о любви (тут ни «Я помню чудное мгновенье...», ни «Гавриилиада» не помогут). Сейчас мыслят иначе, другими категориями. Во времена Пушкина даже не то что не родился Фрейд, так еще и 40–50 лет спустя после него Тургенев слабовольно обходил вопросы пола. Его Базаров боится Одинцовой. У Пушкина с Татьяной никто не спит, и такую прелестную литературу выносить трудно. «Евгений Онегин» вообще пустая болтовня, и если это поэма о любви, то это насмешка, светское приличное изложение истории.

Сам Пушкин не отказывал (по примеру своего литературного кумира Байрона, тот и вовсе был бисексуалом, любителем оргий и группового секса) себе в плотских развлечениях, но в литературу это не попало. В литературе соблюдались постные приличия, а то, что Пушкина считают автором порнографической поэмы «Гавриилиада» — то это гротескная оборотная сторона той же литературной приличности. На самом деле «Евгений Онегин» уступает и «Чайлд Гарольду», и другим поэмам Байрона, это ниже, — как новоиспеченные русские детективы Марининой ниже добротного Чейза. Байрон жил в Европе и соревновался с соотечественниками, с Кольриджем и поэтами «озерной школы». Пушкин жил в стране, где существовала лишь поверхностная европейская дворянская культура, мало развитая. Потому его Онегин — щеголь-западник, как денди лондонский одет, но вышедший из родных грязей и потому нестерпимо провинциальный. Читать банальные строки «Евгения Онегина» сейчас невозможно — они не представляют даже и архивного интереса. Это не энциклопедия русской жизни, как утверждал страстный к Пушкину критик — это попытка представить модного дворянского героя нашего времени. Но и герой скучен — фланер и бездельник, и русская жизнь скушна до зевоты. В конце концов самому Пушкину стало скушно от своей энциклопедии, и он забросил поэму. Попытка во 2-й части расшевелить героя — сделать его интересным, прогнать его галопом по Европам — никак не вдохновила Пушкина, он бросил свою затею.

Всю славу Пушкина на самом деле составляют именно календарные стихи. Он впервые воспел времена года в легких и удобных запоминающихся стихах, ставших народным достоянием. А в «Евгении Онегине» джентльменский набор сдержанных светских ухаживаний с «зардевшимися ланитами», и только. И не зардевшимся никаким другим местом — это все не держит конструкции. Это беда не только Пушкина, это тотальное отсутствие жизни пола, страсти в литературе, но тот же Байрон умел повышать напряженность, трагизм в своих стихах мрачными сильными описаниями природы, описаниями нравов экзотических народов, яростной полемикой с литературными и светскими врагами. У Пушкина это получалось куда слабее.

В переводе на современность герой Пушкина Онегин — это некий асидо-кислотный юноша, поклонник рэйва с серьгой в носу, с выжженным перекисью водорода клоком. Сын новорусского папы.

Сам Пушкин удивляет неподвижностью. Ну съездил в Молдавию, к Раевскому на Кавказ, в Арзрум, и все. За 37 лет. В его время были бродяги и авантюристы в России. Один Толстой Американец чего стоит, и никакой царь им не мешал колесить по свету. Александр Сергеевич же послушно таскался по гостинным, и, по всей видимости, ему это так и не надоедало — проводить вечера в компании толстых светских девушек, дедушек и бабушек помещиков. И блистать среди них. Его долгая, на всю жизнь связь с соучениками по Лицею тоже не говорит в его пользу — говорит о его низкой социальной мобильности. Ибо сверхчеловек обычно начисто порывает со средой, в которой родился, как можно быстрее и позднее не раз меняет среду и свое окружение.

Не нравится мне Пушкин? Я же говорю: от него нужны только календарные стихи, а в остальном он выпал с парохода современности давным-давно. Его проза, все эти «Метель», «Выстрел». «Станционный смотритель» — обыкновенная дворянская продукция с гусарами и прочей традиционщиной. Эти повести мог написать любой, какой угодно писатель своего времени.

Если такой писатель, как маркиз де Сад, явился миру вперед своего времени, если его время пришло потом, позже, главным образом после его смерти, и творчество его пережевывается, переваривается и сегодня и будет перевариваться человечеством, то Пушкин устарел уже когда только появился. Он умер позже маркиза де Сада, но какой контраст не в пользу «нашего» поэта!

Приговор мой будет звучать резко: ленивый, не очень любопытный, модный Пушкин никак не тянет на национального гения. Его двухсотлетие, отмеченное с приторной помпой федеральными и московскими чиновниками, еще лишнее доказательство этого. Пушкин так банален, что даже не опасен чиновникам. Он был банален и в свое время.

Его нелепая смерть на дуэли, проистекшая из непристойного поведения его жены, достойна двух бронзовых дутых фигурок, стоящих на Арбате у телеграфа. Здесь пошлость заказа московского правительства конкурирует с пошлостью этой истории: жена шепталась, хохотала и обжималась с французом, а муж, защищая честь этой жены, получил пулю в живот и умер от этого на диване.

Пушкину всего лишь хорошо повезло после смерти. В 1887-м его поддержал большой литератор Достоевский, выпихнув в первый ряд. Позднее еще несколько высоких арбитров поддержали Достоевского. Так был сделан Пушкин. Гением его объявили специалисты. Как и Эйнштейна. Объявили потому, что надо иметь национального гения. К 1887 году было ясно, что России насущно необходим национальный гений. У всех есть, а у нас нет, — так, по-видимому, рассуждал короновавший его Достоевский. Выбрали Пушкина.

По нынешним понятиям, Пушкин выглядел бы кем-то вроде плагиатора. Его «Дубровский» несомненно заимствован из «Разбойников» Шиллера, «Бахчисарайский фонтан» развивает восточный экзотизм, привитый в Европе Байроном, «Евгений Онегин» — плохо переписанный «Чайльд Гарольд» того же Байрона, только убогенький его вариант, ибо писать Пушкину было не о чем, он знал только убогую помещичью русскую жизнь. Только у неразвитого в культурном отношении, неизбалованного народа могли прослыть шедеврами небрежные поделки вроде «Пиковой дамы». Перекраивая европейские шедевры на русский лад, Пушкин свободно использовал и заимствовал. Судьба Моцарта, Дон-Жуан, Командор (использованы несколько раз — в «Медном всаднике» и в «Дон-Жуане», некоторые мотивы в «Пиковой даме»), какие-то мотивы из Проспера Мериме (кстати, очень повлиявшего и на раннего Гоголя) — вот что питало Пушкина. Самостоятельность в выборе тем и сюжетов стала проявляться у него лишь в последние годы жизни. В «Капитанской дочке». Возможно, если бы Пушкин прожил дольше, он стал бы более оригинальным писателем.

В первые годы третьего тысячелетия Пушкина можно читать с интересом такого же характера, что и интерес, заставляющий нас рассматривать картины XVIII и XIX веков

или рассматривать архивные документы того же времени. Психологически современный человек очень далек от Пушкина и вся это ретро-атрибутика в виде гусаров, чепчиков, старых дам, игры в карты, гусарского досуга должна была быть дико далека уже от советского рабочего или колхозника. Знания о человеке были в России в эпоху Пушкина примитивны, потому вселенная Пушкина несложна, да еще из нее эвакуирована полностью плоть. И это во времена, когда уже были опубликованы работы Жан-Жака Руссо, уже умерли Вольтер и Сад!

Короче говоря, Пушкин сильно преувеличен. Причем он не только испарился со временем, как некогда крепкий йод или спирт, но он и был в свое время некрепок. Для нас он едва ли на 10 % интересен. Много съело время, а многого и не было. Так пусть он украшает стихотворными открытками листки календаря. Там его место.